

— Вот только... — Е Мянй поднял глаза, взглянул на Е Цзина и пробормотал: — Не понимаю, почему старший брат так сердится. В конце концов, я спас жизнь однокашнику. Даже если заслуга не искупает проступка, я ведь только-только переболел, а меня наказывают, даже поесть не дав...

Чем дальше говорил Е Мянй, тем тише становился его голос, однако Е Цзин все расслышал отчетливо.

— И вправду не понимаешь почему? — холодно спросил Е Цзин.

— Прошу старшего брата наставить меня.

— Хорошо, — кивнул Е Цзин и приказал стоявшему в стороне слуге: — Принеси инструмент для семейных наказаний.

Е Мянй так и обомлел. Дело плохо, неужели брат собирается его побить?

Слуги тоже растерялись. На мгновение все застыли на месте, не решаясь пошевелиться. Обычно старший молодой господин, воспитывая четвертого молодого господина, ограничивался парой выговоров. Пусть в гневе он и бывал крайне суров, стоило четвертому молодому господину пролить пару слезинок, как все проходило. Слуги даже могли понаблюдать за этим ради забавы, а потом подшутить над четвертым молодым господином. Что же на этот раз натворил четвертый молодой господин, раз старший решил прибегнуть к телесному наказанию?

Раздался громкий стук.

Е Цзин с грохотом опустил пиалу с чаем на стол и рявкнул:

— Оглохли все?!

Е Цзин крайне редко выходил из себя в поместье, поэтому слуги разом вздрогнули и упали на колени. Старший из них не осмелился медлить и торопливо принес дисциплинарную линейку, протянув ее Е Цзину.

Увидев, как брат обходит письменный стол с линейкой в руках, Е Мянй инстинктивно спрятал руки за спину.

— Брат... Брат, давай поговорим спокойно.

— Руки.

— Да что ты задумал? — Е Мянй тоже занервничал и, стоя на коленях, попятился назад.

— Протяни руки!

Взгляд Е Цзина оставался ледяным. Е Мянй невольно сглотнул. Он вдруг вспомнил слухи, ходившие в народе: мол, Господин Дуаньхуа прекрасен и благороден, словно сошедший с небес небожитель, но во время допросов в Судебном приказе Далисы предстает совсем в ином свете. Внешность остается прежней, да только небожитель превращается в самого владыку преисподней Яньло. Оттого и преступников, которые осмеливались «не сотрудничать» со следствием, под его началом почти не бывало.

Е Мянй запаниковал. Пытаясь оттянуть время, он держал руки за спиной и цеплялся за

последнюю соломинку:

— Брат, ты наказываешь младшего брата, и я, разумеется, приму наказание. Но ты должен объяснить мне все начистоту. В чем именно я провинился, что ты так сильно разгневался? Даже если меня побьют, я хочу страдать за дело!

— Встань ровно!

Е Мянъ тут же выпрямил спину.

Е Цзин сурово сдвинул брови:

— Я спрошу тебя: «Тот, чье состояние исчисляется тысячей золотых, не садится у края навеса, а тот, кто владеет сотней золотых, не скачет по карнизу». Этому правилу тебя учили с самого детства. Расскажи-ка мне сегодня еще раз, что оно означает?

Е Мянъ перевел дух и послушно ответил:

— Это означает, что детям из знатных и богатых семей не следует сидеть или лежать под карнизами домов, дабы на них не упала черепица, а также не стоит опираться на перила галерей, чтобы не упасть и не покалечиться. Сие изречение предостерегает нас: человеку благородного происхождения негоже подвергать себя опасности, ибо благородный муж избегает гибельных мест.

Е Цзин прищурился и холодно хмыкнул:

— Раз ты все прекрасно понимаешь, значит, поступил так умышленно!

Е Цзин с глубокой скорбью посмотрел на него:

— Подумать только! Пусть наше Поместье Е и не соперничает богатством с удельными князьями и не владеет несметными сокровищами купцов, мы все же являемся знатным чиновничьим домом. Ты, младший законный сын нашей семьи, с самого рождения рос в шелках, ел изысканные кушанья и ни в чем не знал отказа. С прошлого года, как обзавелся собственным двором, ты стал еще более избалованным. Твоя невестка, ведая домашним хозяйством, распоряжается готовить для твоего двора даже более тщательно, чем для главного. Стоит Цзян Бэйциню из маркизского поместья получить какую-нибудь редкость, как твоя невестка, забыв о стыде, идет просить у своих родных точно такую же вещь для тебя. Позволь спросить, разве Поместье Е или наш Павильон Бихуа, что так щедро тебя содержат, в чем-то обделили тебя?

— Нет, — опустив голову, прошептал Е Мянъ.

— Считаешь ли ты тогда, что я наказываю тебя несправедливо?

— Справедливо... Но... — Е Мянъ все так же тихо проговорил с понурой головой, — тогда ситуация была критической. Если бы я его не спас, он мог бы и впрямь утонуть.

Е Цзин прикрыл глаза. Его грудь тяжело вздымалась. Наконец он с досадой произнес:

— Клан Е учил тебя почитать Небо и Землю, преданно служить государю. Но кто учил тебя пренебрегать собственной жизнью ради спасения посторонних? Случись с тобой несчастье, каково пришлось бы отцу с матерью? Что чувствовали бы я и твоя невестка? Неужели наше

Поместье Е воспитывало законного сына в роскоши лишь для того, чтобы он пожертвовал собой ради какого-то чужака?

Е Мянью стоял на коленях с опущенной головой. Его губы дрогнули, но он так ничего и не произнес.

Все вокруг считали, что он поступил неверно. Лу Личжэн обозвал его безвольным добряком, который спас никчемную жизнь и лишь запятнал собственные руки. Старший брат сокрушался, что он не бережет себя и не думает о родителях и семье. Даже этот Чжуан Сюй знал, что по возвращении домой его ждет кара, иначе не велел бы Евнуху Ся передать слова: «Будь я на твоём месте, сегодня бы точно не возвращался».

Но вы-то с малых лет заучивали истину: «Тело, волосы и кожу мы получаем от родителей, и не смеем наносить им вред — в этом начало сыновней почтительности». Меня же с детства учили смело приходить на помощь нуждающимся и жертвовать собой ради блага других.

Е Мянью никогда из-за столкновения идей двух эпох не пытался насильно навязывать окружающим свои «правильные» и «передовые» взгляды, и уж тем более никогда не судил их по собственным меркам и ничего от них не требовал.

Он даже изо всех сил старался свыкнуться с этой новой личностью, приспособиться к здешней жизни, но, похоже, тщетно. Острое чувство отчуждения снова нахлынуло на него.

Е Мянью ощутил полное бессилие.

Он долго стоял на коленях в раздумьях, пока наконец не вытащил спрятанные за спину руки и не протянул их ладонями вверх Е Цзину.

— Брат, бей, я не заплачу, — тихо произнес он.

Он ждал долго, однако мучительная боль так и не обожгла его ладони.

Е Цзин смотрел на протянутые к нему белые и нежные ладошки младшего брата. Он несколько раз заносил линейку, но так и не смог опустить ее. Заметив, как Е Мянью поднял голову и робко взглянул на него, Е Цзин прикрыл глаза и тяжело вздохнул.

Слово автора:

1. Заметила, что некоторые читатели предполагают, будто главный герой переродился. Вовсе нет. Его особое отношение к Мянью и переменчивое настроение имеют свои причины, о которых мы постепенно узнаем далее, так что наберитесь терпения.

2. Еще видела комментарии о том, что хочется увидеть продолжение истории о невесте-призраке, это меня изрядно позабавило. Хм... В этой короткой истории использованы мотивы из двух фильмов ужасов: первый — «Дом 81 в Столице», второй — «Воспоминания о трупке». Те, кто посмелее, могут посмотреть. Первый фильм по шкале ужаса тянет на S, а второй — на целых SSSSS. Слабонервным лучше обходить его стороной! Я пересмотрела множество фильмов ужасов со всего мира, но от второго до сих пор под глубоким впечатлением.

Во Дворе Баофэн Баосюэ отвела в сторону Пэнлу, которую прислала Госпожа Цзян забрать одежду, и принялась расспрашивать ее о новостях.

Пэнлу лишь покусывала губы и качала головой. Баонянь, которая все это время краем глаза

следила за ними, резко поднялась, швырнула только что сложенную одежду стоявшей рядом служанке и холодно процедила:

— Баосюэ, зря ты ее расспрашиваешь. Она ведь из Павильона Бихуа!

От резких слов Баонянь лицо Пэнлу залилось краской. Она поспешно оправдалась:

— Я и правда ничего не знаю! У старшего молодого господина было такое лицо, что даже наша молодая госпожа не решилась подойти. Откуда же мне знать?

Баонянь только собралась съязвить в ответ, но Баосюэ предостерегающе зыркнула на нее, заставив смолкнуть.

— Мы ведь и не спрашиваем ни о чем таком, — Баосюэ взяла Пэнлу за руку и проникновенно заговорила: — Вот только четвертому молодому господину нужно поужинать. Почему еду, которую мы отправили, развернули у самых дверей? Он ведь только переболел, еще неокрепший, да и мал еще, как он перенесет голод?

Баохэ тоже всхлипнула рядом:

— Наш четвертый молодой господин с детства мается болями в желудке. Даже при таком бережном уходе болезнь то и дело дает о себе знать. Не дай бог из-за голода случится беда, это же на всю жизнь останется! Разве вашему Павильону Бихуа от этого не поздоровится?

Старшие служанки Двора Баофэн разыгрывали перед ней доброго и злого следователя. Наперебой осыпая Пэнлу упреками, они вогнали ее в краску до самых ушей.

— Тогда... тогда я пойду и обо всем доложу нашей молодой госпоже, — пробормотала Пэнлу.

Как только Пэнлу ушла, Баонянь со злостью сплюнула вслед.

В Павильоне Бихуа и вправду решили прибегнуть к семейному наказанию! Когда отец наказывает сына — это в порядке вещей, но ведь Заместитель министра Е и Госпожа Е сейчас преспокойно находятся в поместье. С какой стати Павильон Бихуа забирает человека к себе и устраивает порку? В какой семье старший брат наказывает младшего, не поставив в известность родителей? Да еще и берется судить, что важно, а что нет. Старший молодой господин хорош — неизвестно, до какого плачевного состояния забьет брата, раз велел выставить стражу у Павильона Бихуа и запретил пускать даже их, личных служанок, ухаживать за ним.

В обычные дни слуги Двора Баофэн и Павильона Бихуа частенько общались между собой, это правда. Однако нельзя сказать, что у челяди Двора Баофэн не накопилось обид на Павильон Бихуа. Господин так предвзят! Все эти годы лучшие вещи из внешних покоев нескончаемым потоком уплывали в Павильон Бихуа. Неужели все вокруг слепы и ничего не видят? Оба ведь законные сыновья поместья, так с какой стати такая несправедливость?